ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՏԵՂԵԿԱԳԻՐ
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
Հասարակական գիտություններ № 7, 1964 Общественные науки

Р. А. Маркарян

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОМЕХИ В ГЛАГОЛЬНОМ ФОРМООБРАЗОВАНИИ

Зависимость категориального значения слова от его лексико-семантического содержания — неоспоримый факт. В различных категориях эта зависимость имеет различный характер. В данной работе все усилия были направлены на установление характера этой зависимости и ее меры в глагольных грамматических категориях современного русского языка.

При всей своей отвлеченности грамматическая категория лица в глаголе сталкивается с некоторыми семантическими ограничениями, с тормозящим воздействием конкретного лексического материала на грамматическое оформление. Это сопротивление лексического материала правильному, нормальному словоизменению и формообразованию связано прежде всего с резкой противопоставленностью третьего лица первому и второму в системе лиц. В этой категории, выражающей соотнесенность производителя, субъекта действия и говорящего лица, первое и второе лицо указывают соответственно на говорящее лицо и собеседника, иначе говоря, они являются личными формами, тогда как третье лицо в глаголе (и в местоимениях) является формой предметно-личной. Именно эта разница в значениях первого и второго лица, с одной стороны, и третьего — с другой, вызвала к жизни и резкое различие в функционировании рассматриваемых форм. Например, значение первого и второго лица полностью исключает их пригодность в выражении значения безличности и частично — в выражении страдательности в языке. В этих значениях нормально функционирует только форма третьего лица. Причем «синтаксическая схема пассивности, наполняясь разным лексико-семантическим содержанием и вступая во взаимодействие с этим содержанием, приобретает разные оттенки, получает различное осмысление»[1]. Формы первого и второго лица, как указывающие на непосредственных собеседников, то есть на максимально активных деятелей, здесь абсолютно исключаются. Безличность, не имеющая в своем арсенале особых специализированных средств для своего выражения, вынуждена прибегнуть к заимствованным средствам — к спрягаемым формам. Естественно, что форма третьего лица, как менее всего «активная», оказывается наиболее пригодной для данной цели. По тем же причинам формы первого и второго лица глагола внутренне противятся выражению страдательности. Такое семантическое противодействие оказывается противодействием широкого плана. Есть, однако, здесь и семантическое противодействие узкого плана, то есть запреты в употреблении лиц, наложенные конкретным лексическим содержанием слов. Б. Н. Головин пишет: «Если правильно то, что грамматические значения суть всегда отвлечения, абстракции от значений лексических, закрепленные и выраженные в тех или иных формально-грамматических показателях, то, по-видимому, о степени отвлеченности грамматических категорий можно судить лишь по тому, насколько сильно и насколько ярко обнаруживается их зависимость от лексического материала»[2].

Если взять грамматическую категорию лица в глаголе в сопоставлении с другими глагольными категориями, то она обнаруживает наибольшую, пожалуй, отвлеченность,

---

[1] Р. А. Будагов, Семантика слова и структура предложения, «Ученые записки» ЛГУ, 1946, вып. 10, стр. 162.

[2] Б. Н. Головин, К вопросу о сущности грамматической категории, «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 129.

но и в ней происходит вечное столкновение общего грамматического, категориального значения с конкретно-вещественным значением отдельного слова. Отсюда наличие в языке переходных, не чистых случаев, нарушающих обычные каноны соотношения, нарушающих стройность словоизменительного и формообразовательного ряда. Таков язык, и никакими универсальными критериями здесь не помочь. В этой связи заслуживает внимания следующее высказывание В. Г. Адмони: «Все чаще раздающиеся требования сделать грамматику более научной и точной, основывая ее понятия на едином критерии и не допуская наличия колеблющихся, переходных явлений, могут дать и дают при своей реализации лишь неполную, обедненную картину языкового строя»[3].

Первое и второе лицо в глаголе указывает непосредственно на говорящего и собеседника, а ими бывают только лица (если, конечно, не иметь в виду случаи сказочного или морфологического одушевления предметов или представления животных в качестве «думающих» и «говорящих» созданий), поэтому указанные формы внутренне противятся соединению со значениями глаголов, выражающих действия, не соотносимые с лицами. Лексика в данном случае накладывает свой запрет, и формообразование несколько сдвигается. Внешне эта картина формообразования производит впечатление неполной, нарушенной, но она логична, закономерна в своем внутреннем содержании. Так, например, не имеют формы первого и второго лица, не употребляются в первом и втором лице глаголы: дымить, миновать, мурлыкать, киснуть, кипятиться, фыркать, набухать, навернуться, обозначать, отгреметь, котиться, пастись, отзвучать, пениться, подтвердиться, развеваться, струиться, отдоиться и др. Одни из этих глаголов не употребляются в первом и втором лице, так как действие, ими выражаемое, связано исключительно с живыми существами не — лицами, ср. мурлыкать, лаять, ржать, котиться, блеять, окуклиться, пастись, отдоиться и др. Другие — лишены возможности такого употребления, так как действие, ими выражаемое, соотносимо исключительно с предметами, ср. дымить, набухать, навернуться, обтрепаться, пениться, переломаться, продырявиться, развеваться, сгладиться, сгуститься, струиться, куститься и др. Третьи лишены возможности такого употребления, так как связаны с действиями, соотносительными с отвлеченными явлениями, ср. зиждиться, миновать, обозначать, отгреметь, отзвучать, подтвердиться, помрачиться и др. Переносное употребление некоторых из них вызывает появление формы первого и второго лица. Ср. мурлыкать в значении петь, лаять(ся) в значении ругаться, бранить, обтрепаться в значении донашивать все старое, потерявшее свежесть, отзвучать — перестать творить, потерять способность к творческой деятельности, потерять в своем творчестве актуальность. Ср. прямое и переносное употребление слов: киснуть, кипятиться, фыркать и др. Переносы, метафоризация значений по своему характеру могут быть самыми различными.

В этом большом семантическом ряду встречаются и глаголы, которые ограничены не только со стороны категории лица, но одновременно и со стороны числа. Так, например, глаголы рассесться (в значении сесть по своим местам), сгуститься, скопиться, съехаться, сбежаться, разбежаться, рассыпаться, созвониться, сговориться не могут употребляться в единственном числе первого и второго лица в силу того, что действие, которое они выражают по своей внутренней природе, таково, что оно предполагает участие в действии нескольких лиц или предметов. В последних случаях форма множественности, единственно возможная здесь, зависит и от словообразовательной модели, от морфологической структуры данных слов, а именно от наличия в слове префиксов раз(с), со, имеющих значение «в разные стороны», «с разных сторон», «совместно», но ведь такое содержание глагольного префикса проявляется в сочетании с основами определенного семантического содержания, следовательно, основной, решающей причиной рассмотренной «ущербности» является в конечном счете лексико-семантическое содержание слов.

---

[3] В. Г. Адмони, О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю, «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 52.

Выражение безличности в русском языке является той сферой, где особенно явственно ощущается сила семантического сопротивления. Способность представлять действие не как исходящее от субъекта, а как «самопроявляющееся», «бессубъектное» — не есть свойство всех глаголов. Одно оформление безличности, без соответствующего семантического основания, не может создать выражения безличности. Как в случаях с собственно-безличным глаголом, так и в случаях с безличным употреблением личных глаголов, в самом смысловом содержании глагола должен быть тот минимум способности к «самопроявлению» действия, без чего немыслима безличность. При совершенно обычных конструкциях с устраняемым или отвергаемым лицом типа: мне думается, мне представляется, мне вспоминается, невозможно: мне решается, мне считается, мне рубится, мне пилится, мне пьется, мне замечается, мне покупается или при конструкциях ранило пулей, размыло волной, убило током совершенно нелепо убило человеком, ранило врагом, убило преждевременной старостью. Выражению безличности препятствует семантика рассматриваемых глаголов. Они обозначают конкретные физические активные действия, предполагающие производителя действия. Представить такое действие в виде самопроявляющегося, совершающимся само собой, в отвлечении от деятеля невозможно.

Среди собственно безличных глаголов, выражающих явления природы, есть, например, дождит, морозит, светает, вечереет, но нет, скажем, снежит, градит, жарит, ночеет. При семантической тождественности здесь наблюдаются ограничения, которые не могут быть объяснены и словообразовательными возможностями этих слов. На наш взгляд, ограничения здесь частно-семантического, лексического порядка и тождественность идей относительная. Если дождит говорят о погоде, в которую длительно, беспрерывно идет дождь, то градит аналогично должно было бы означать погоду с длительно или беспрерывно выпадающим градом. Но тогда как же со словом снежит, которое по грамматической аналогии вполне могло бы наличествовать в языке. Почему вечереет, но от других слов того же семантического круга нет аналогичных образований — утреет, ночеет — в том же безличном значении, выражающем действие как длительное состояние в природе, как постепенный переход из одного состояния в другое. Такой переход в семантике вечереет ощущается, а постепенный и длительный переход к утру или ночи в нормальных условиях не фиксируется, поэтому, вероятно, и отсутствует соответствующее языковое выражение.

В русском глаголе категория залога так же, как и вида, по своему характеру является лексико-грамматической категорией, иными словами говоря, здесь сцепление лексического и грамматического особенно тесное, зависимость категориального грамматического оформления слова от его конкретно-лексического содержания особенно велика. Самый факт существования категории залога, как категории не общеглагольной, свидетельствует о семантических запретах, как мы выше выразились, широкого плана. Категория залога является категорией только переходных глаголов, деление же глаголов по признаку переходности и непереходности настолько же грамматическое, насколько и семантическое. Только переходные глаголы способны к залоговым изменениям, модификациям, потому что именно они по своему содержанию обозначают действие, которое внутренне связано с объектом, реализуется только при наличии объекта. Таким образом, все первично непереходные глаголы именно из-за своей семантической природы не являются залоговыми образованиями.

Но семантические запреты действуют и внутри всего класса переходных глаголов, не давая возможности реализоваться потенциальной способности переходных глаголов образовывать параллельные залоговые образования. Среди самых употребительных переходных глаголов имеются такие, которые по самому своему значению не допускают страдательного оформления. Таковы главным образом глаголы чувствования и восприятия, например, любить (возлюбить, полюбить), ненавидеть (возненавидеть), жалеть, желать, упрекать, презирать, молить, умолять, бранить (выбранить), гневить, слышать, знать, зреть, чувствовать, ждать, иметь; бодрить, винить, веселить. Указанные глаголы выражают не столько действие, непосредственно направленное на объект, сколько оп-

ределенное внутреннее состояние, не столько действие, совершаемое над объектом, сколько состояние, проявляемое субъектом в отношении тех или иных объектов. Поэтому эти «действия» можно представить лишь в плоскости субъекта, «производящего» их. Об аналогичном явлении в связи с древнеисландским языком проф. Десницкая пишет: «В древнеисландском языке ряд глаголов, воспринимаемых нами как переходные, ориентирован, однако, прежде всего на состояние субъекта или на его действие (любить, бросать). При этом состояние и действие субъекта берутся сами по себе, без установки на определенный объект, безразлично в отношении его, т. е. дается действие как таковое, действие вообще, неопределенное действие. Объект поэтому сводится на побочную роль косвенного дополнения к действию, которое с ним лишь соотнесено, но не направлено на него (подчеркнуто нами — Р. М.). Итак, мы видим, что мы здесь имеем дело не с переходностью особого типа, а как бы с расширенной в своих функциях непереходностью»[4].

Переходные глаголы, входящие в состав идиом, также неспособны образовать страдательные формы. В идиоматических выражениях переходный глагол семантически сращен со своим объектом, слит с ним в единый образ, а это с необходимостью вызывает и синтаксическую спаянность этих членов, ср. бить баклуши, втирать очки, умывать руки, заговаривать зубы, повесить нос, разинуть рот, вытаращить глаза, насторожить уши и др. По этим же семантическим причинам не дают в целом страдательных построений и словосочетания типа открыть огонь, крепить оборону, держать курс и др., о которых читаем: «Между грамматическим построением словосочетания и его семантическим значением нет механической увязки. Грамматически господствующие члены могут своим лексическим значением являться и не являться семантически важнейшими словами в сочетании. Лишь весь состав сочетания в целом может претендовать на передачу его единого семантического значения»[5].

Сопротивляемость определенному типу грамматического построения может оказать не только лексико-семантическое содержание слова, но и стилистическая оценка слова, его стилевая принадлежность, например, переходные глаголы просторечной или просторечно-разговорной окраски типа — бахнуть, трахнуть, ляпнуть, стукнуть; лупить, лимонить и др. — не включаются в страдательные конструкции, они связаны с разговорной стихией языка, тогда как страдательные конструкции являются преимущественно свойством книжного стиля речи. Но в данном случае наше внимание привлекает не такого типа «сопротивляемость» материала.

В залогообразовании глаголов роль лексико-семантического фактора велика. Это обстоятельство именно стало для многих крупнейших грамматистов прошлого основанием для выделения залогового образования в отдельное самостоятельное слово. Семантика глагола и залоговое оформление то нормально соотносятся, то теряют всякую соотносительность.

Большое число возвратных глаголов обнаруживает в том же морфологическом оформлении то возвратно-среднее залоговое значение, ср. открываться, подниматься, включаться и др., то страдательное, и решающее слово в таких случаях за всей конструкцией в целом. Но наряду с такими возвратными глаголами, в которых, например, страдательное значение не проявляется полностью до тех пор, пока не будет определенными средствами создана благоприятная для этого атмосфера, современный русский язык нам дает большое количество и таких возвратных глаголов, в лексическом содержании которых слишком отчетливо страдательное значение. Заключается оно в непосредственной соотнесенности действия с живыми производителями действия. Таковы, например, глаголы: замалчиваться, недооцениваться, предъявляться, преподноситься,

---

[4] А. В. Десницкая, Переходные и непереходные глаголы в древнеисландском языке, «Ученые записки» ЛГУ, вып. 5, 1941, стр. 128.

[5] Л. В. Матвеева-Исаева, Словосочетания и их семантическое значение в составе предложения, «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, 1948, т. 59, стр. 209.

рассматриваться, перечисляться, назначаться, рассказываться, выслушиваться, завоевываться и др. При этих глаголах даже там, где по определенным причинам опускается название реального деятеля, страдательность ощутимо сохраняется. Этим объясняется тот факт, что конструкции с возвратным глаголом описанного типа при отсутствии названия реального деятеля легко могут быть переведны в соответствующие неопределенно-личные предложения. Если семантическое содержание указанных глаголов таково, что оно утверждает страдательность, это значит, что оно с необходимостью отрицает возможность другого залогового, возвратно-среднего значения.

Значение страдательности связано в русском языке с переходностью глагола. Страдательный залог, по Потебне, есть один из способов представления транзитивности глаголов. Чтобы выразить страдательное значение, соответствующее причастие должно быть образовано от основы переходного глагола. Однако в русском языке засвидетельствовано несколько случаев, представляющих собою отклонение от общего правила — страдательные причастия, образованные от непереходных глаголов. Причастия эти образованы от непереходных глаголов, ранее бывших переходными, и от некоторых косвенно-переходных глаголов, например: командируемый, предшествуемый, владеемый, руководимый, управляемый, следуемый, польщенный, отомщенный, угрожаемый, обладаемый, пренебрегаемый. При ближайшем рассмотрении выясняется, что это причастия от глаголов, требующих, несмотря на управление другими косвенными падежами, объекта, на который действие переходит с такой же непосредственностью, как у прямо-переходных глаголов. Этот факт «свидетельствует лишь о том, что в сочетаниях некоторых глаголов с другими падежами (не винительным) намечается такой вариант значения данной синтаксической связи, который приближается к значению переходности»[6]. Таким образом, это отклонение от общей нормы, нарушение ее перестает быть отклонением, как только мы переносим его рассмотрение в плоскость выявления семантических закономерностей.

Столкновение лексического материала с общей грамматической тенденцией имеет место и в глагольной категории наклонения. В употреблении, например, формы повелительного наклонения имеется целый ряд ограничений, которые диктуются смысловым содержанием конкретных слов. Обозначая действие в широком смысле слова, глагол выражает целый ряд частных значений, например, состояние, становление, умение, возможность и др., некоторые из которых никак не могут быть в смысловом отношении соотнесены со значением побудительности, составляющим семантическую основу повелительного наклонения. Так, не образуют формы повелительного наклонения глаголы: слышать, видеть, выражающие физические свойства человека, его ощущения; мочь, хотеть — его умение, способность, желание; не должны образовывать и практически не образуют форм повелительности в своем прямом значении (хотя теоретически эти формы существуют) все глаголы, выражающие действие, соотносимое по своему характеру, по своей смысловой природе с предметными «производителями действия», например, разорваться, лопнуть, трещать, искриться, шипеть, блестеть, перекатываться, струиться и др.

Со сложнейшим взаимоотношением лексических и грамматических значений в слове связано все видообразование в русском глаголе. Лексико-грамматический характер этой глагольной категории очевиден. Общая тенденция русского языка морфологически отграничивать глаголы совершенного и несовершенного вида все время встречает площадки тормозящего действия со стороны лексики. Даже самое правильное, «чистое» видообразование не может осуществиться в полном отрыве от семантического содержания глагола. Видообразование глаголов является сферой, где связь лексического и грамматического носит сращенный, спаянный характер. Активным средством образования видовой параллели служит глагольный префикс. Почти безоговорочно можно сказать, что нет в русском языке такого глагольного префикса, который был бы только

---

[6] А. Б. Шапиро, О залогах в современном русском языке, «Ученые записки» Московского городского педагогического института, т. V, вып. I, 1941, стр. 51.

формообразующим или только словообразующим. Это надо понимать как в том смысле, что, образуя чистую видовую пару при присоединении к глаголу одного лексического содержания, один и тот же префикс при присоединении к глаголу другого содержания может быть уже словообразующим, так и в том смысле, что и чистое видообразование нередко сопровождается некоторыми семантическими сдвигами. Видообразующий префикс вносит в глагол не только формально-грамматическое видовое значение, но и ряд дополнительных значений, которые имеют отношение уже к лексическому преобразованию слова. В этом отношении очень показательны цифровые данные, которые приводятся А. Н. Тихоновым, занимающимся вопросами префиксального чистого видообразования[7]. Согласно этим данным, не следует преувеличивать способности глагольных приставок к нарушению семантического тождества. Наличие таких нарушений не колеблет общей закономерности чистовидовых приставок — дублировать все значения исходной основы несовершенного вида. Из 1235 префиксальных видовых пар 1025 (83%) состоят из семантически тождественных коррелятов. И при существовании видовых пар с неполной семантической тождественностью «глагол с чистовидовым префиксом в языке выступает не в качестве самостоятельной лексической единицы, а как видовая форма производящего глагола»[8].

Наличие в русском языке, наряду с обычными параллельными в видовом отношении морфологически противопоставленными глаголами, двухвидовых, с одной стороны, и непарных глаголов одного только вида (perfectiva tantum и imperfectiva tantum) — с другой, говорит, о действии двух противоположно направленных тенденций: основной — наибольшей грамматикализации категории вида и побочной — сопротивляемости такой грамматикализации, обусловленной сопротивляемостью лексического материала. Об этом говорит тот факт, что многие лексические разряды русских глаголов не имеют парных видовых форм. Объясняется это семантическим своеобразием этих глаголов, несовместимостью их значения со значением того или иного вида. «И все же тот факт, что понятия совершенного и несовершенного вида охватывают очень широкие группы глаголов самого разнообразного лексического значения, свидетельствует о процессе обобщения грамматической категории вида»[9]. В этой категории также частые отклонения от нормы по-своему еще резче говорят о действии в языке общей широкой закономерности, тенденции.

Беспарными глаголами несовершенного вида (imperfectiva tantum) в большинстве своем являются глаголы, семантика которых противоречит представлению о результативности, об одноактности, мгновенности действия, составляющему основное содержание глаголов совершенного вида. Это, главным образом, глаголы, которые выражают действия по характеру длительные, протяженные, многоактные, повторяющиеся. Указанные глаголы выражают действие, которое скорее выглядит как длительное состояние субъекта, его чувства, свойства, форму его бытия, существование. Ср., например, председательствовать, присутствовать, долженствовать, отсутствовать, нищенствовать, рабствовать, пьянствовать, торжествовать, сибаритствовать, уважать, раболепствовать, блаженствовать, пиршествовать, предшествовать. Заявить, что помехи связаны исключительно с суффиксом -ств-, будет слишком категорично, потому что с этим же суффиксом встречаются в русском языке и двувидовые глаголы, например, содействовать, воздействовать. Или, ср. другие беспарные глаголы несовершенного вида: принадлежать, преследовать, зависеть, иметь, содержать, владеть, чередоваться, восхищаться, восторгаться, полагать, спасаться, предчувствовать.

В некоторых беспарных глаголах несовершенного вида несовершенность связана с определенным морфемным строением слова, ср. приплясывать, пританцовывать, похаживать, расхаживать, приговаривать, посиживать, покряхтывать, разговаривать, припе-

---

[7] См. А. Н. Тихонов, Чистовидовые приставки в системе русских видов, «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 42—52.

[8] Там же, стр. 52.

[9] Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 291.

вать, запевать, но и в этом случае выбор той, а не иной морфемы предопределяется семантикой слова, хотя вообще неоспорим и факт обратного воздействия.

Семантические помехи на пути нормального формообразования не столь прямолинейны и прозрачны, как это кажется. Иначе чем же объяснить, что слова, по семантике смежные или одного семантического круга, по-разному ведут себя в отношении акта видообразования. Ср. беспарный глагол несовершенного вида недомогать и нормальный видообразующий глагол болеть или беспарный порицать и нормальный осуждать, поносить (бесп.) и бранить, повествовать (бесп.) и излагать, презирать (бесп.) и ненавидеть и др. Морфологические типы этих слов не могли бы служить препятствием. Здесь исключается полное отсутствие морфологического средства для видообразования. Запрет[10] правильному видообразованию исходит от незначительных, едва уловимых различий в семантическом значении сравниваемых слов.

Причину видовой беспарности следует искать в большинстве случаев в том, что «лексическое значение данного глагола, отражая объективные свойства соответствующего действия, оказывается несовместимым с грамматическим значением того или иного вида»[11].

Сложный характер взаимодействия лексических и грамматических значений в глагольной категории вида обнаруживается и в том факте, что в многозначном глаголе различные его значения по-разному относятся к видовой корреляции, «весьма редки случаи, когда многозначный глагол всеми своими значениями вмещается в одну видовую корреляцию»[12].

Наряду с беспарными глаголами несовершенного вида в русской глагольной системе выделяются беспарные глаголы совершенного вида. Беспарность последних объясняется теми же причинами, что и в первом случае — это сопротивление семантики слов общей грамматической тенденции к созданию видовой корреляции. В противоположность беспарным глаголам несовершенного вида, выражающим действие по внутреннему своему характеру только длительное, протяженное, многоактное, беспарные глаголы совершенного вида связаны с действиями внутренне одноактными, мгновенными, результативными. К ним относятся, например, глаголы, выражающие по своей семантике стремительные, мгновенные действия, ср. — хлынуть, грянуть, рухнуть, ринуться; глаголы, выражающие результативные по характеру действия — сглазить, рехнуться, опомниться, воспрянуть, очнуться, очутиться, моллюск; глаголы, выражающие действие с его внутренним пределом (начальным или конечным) — насидеться, насмотреться, наплакаться, наглядеться, расплакаться, раскричаться, разговориться; глаголы, выражающие исключительно одноактные по характеру действия — трахнуть, бацнуть, ляпнуть, юркнуть, шмыгнуть (глаголы так называемого ультрамгновенного действия).

В словообразовательных моделях рассматриваемых слов преобладающими морфемами являются суффикс ну в глаголах совершенного вида одноактного значения (ср. суффикс ну в глаголах несовершенного вида со значением длительного состояния или перехода из одного состояния в другое — мерзнуть, вянуть, мокнуть, слепнуть, глохнуть, стынуть, зябнуть, а также пахнуть; префикс на со значением исчерпанности действия и раз со значением начала действия, но это вовсе не означает, что с ними непосредственно связана видовая беспарность. Причины ее все в тех же семантических ограничениях и запретах.

Сопротивляемость лексики нормальному видообразованию имеет и такое, например, частное проявление. В многозначном глаголе одного вида, имеющем морфологи-

---

[10] См. Е. А. Земская. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке, «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 5—8.

[11] Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке, «Известия» АН СССР, ОЛ и Я, 1948, т. 7, вып. 4, стр. 307.

[12] И. П. Мучник. О видовых корреляциях в современном русском языке, «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 98.

чески противопоставленную, параллельную форму другого вида, не все значения свободно образуют свою видовую пару, в первых глаголах несовершенного и совершенного вида значения не покрывают друг друга полностью, иными словами говоря, здесь также наблюдается явление беспарности, но в меньшем объеме — беспарным в видовом отношении оказывается не глагольное слово, а одно или несколько его частных значений. Например, в многозначном глаголе гулять выделяются следующие значения: первое — совершать прогулку, второе — иметь выходной день, быть свободным от работы, третье — кутить, веселиться. Видовая параллель к этому слову будет префиксальное погулять. При обстоятельном разборе обнаруживается, что погулять связывается в видовую пару с гулять, употребленным в первом и третьем значениях. Второе значение слова исключает погулять, оно вообще беспарно. Это значение — быть свободным от работы — внутренне связывается с выражением более или менее длительного состояния, протяженного действия, поэтому оно совершенно исключает наличие парной формы совершенного вида. Или: в слове сопровождать три значения. Первое — прилагать к чему-либо, дополнить чем-либо, второе — следовать рядом вместе с кем-нибудь, третье — сопутствовать, производить одновременно с чем-нибудь. Только первое значение глагола выражает действие, которое можно представить как в протяженности, длительности, так и с указанием его внутреннего предела. Остальные значения — следование и сопутствование — по своему внутреннему характеру связаны с выражением только длительности. Поэтому в сопроводить мы имеем повторение только одного (первого) значения слова сопровождать, в остальных своих значениях последнее беспарно. Или: в глаголе пережить совершенного вида четыре значения, из которых только два повторяются в переживать несовершенного вида. Беспарными остаются значения, выражающие явно результативные по характеру действия, а именно: прожить до конца, ср. пережить жизнь, и второе — вынести, вытерпеть, ср. пережить позор.

Таким образом, для определенного числа многозначных глаголов видовое соотношение из-за семантических помех внутри отдельных значений из реального превращается в формальное или, по крайней мере, в неполное соответствие.

Но семантические «помехи» простирают свое действие и дальше. В ряде случаев не отдельное, самостоятельно выделяемое в слове значение противится правильному видообразованию, образованию параллельной формы другого вида, а частное, лексически ограниченное употребление в пределах того же самого значения. Например, в пределах одного и того же значения слова петь частные случаи безобъектного употребления петь в опере, петь тенором оказываются беспарными в видовом отношении в силу того, что в них выражено не конкретно производимое действие, совершаемое в тот или иной промежуток времени, а действие, представленное в виде постоянного или более или менее длительного занятия, что исключает форму совершенного вида с присущим ей значением результативности, одноактности, мгновенности. То же и в слове писать в частном безобъектном употреблении — заниматься творчеством, писательским трудом или пить — любить спиртное, где действия представлены в виде постоянных или более или менее длительных занятий или свойств.

В образовании временных форм глагола фактор семантического противодействия очень велик. Это противодействие широкого плана. Все без исключения глаголы совершенного вида не образуют форм настоящего времени, так как понятие о результативности, одноактности, законченности действия, составляющее основу содержания совершенности в глаголе, абсолютно исключает употребление таких глаголов в форме настоящего времени, которое показывает действия в самом процессе их осуществления, совершения. Таким образом, употребление глаголов в форме настоящего, прошедшего и будущего времени есть только потенциальная возможность, которая в силу семантических запретов (столкновение вида и времени именно таково) не реализуется для доброй половины всех глаголов.

В категории времени семантические ограничения только такого широкого порядка, и они являются отражением сложных видовременных отношений, отношений между характером протекания действия (видовые и подвидовые значения) и его распределе-

нием во времени. Частных семантических запретов в категории времени не наблюдается. Нет такого действия, конкретное лексическое содержание и характер которого бы исключали его осуществление в том или ином времени. В этом смысле категория вида является более других глагольных категорий формально-грамматической. Зависимости временного оформления слова от его конкретного лексико-семантического содержания практически не существует, хотя и несомненна большая или меньшая употребительность времен для различных глаголов.

Հ. Ա. Մարգարյան

ՍԵՄԱՆՏԻԿՅԱՆ ԽՈՉԸՆԴՈՏՆԵՐԸ ԲԱՅԵՐԻ ՁԵՎԱԳՈՅԱՑՄԱՆ ՄԵՋ

Ամփոփում

Բառի կատեգորիալ նշանակության կախումը նրա լեքսիկա-սեմանտիկյան նշանակությունից՝ անվիճելի փաստ է։ Տարբեր կատեգորիաներում այդ կախումը տարբեր բնույթի է։ Սույն աշխատության մեջ փորձ է արվում պարզել այդ կախման բնույթն ու աստիճանը ժամանակակից ռուսաց լեզվի բայական քերականական կատեգորիաներում։

Բայական քերականական կատեգորիաները, որքան էլ դրանք վերացական լինեն, ենթարկվում են սեմանտիկյան որոշ սահմանափակումների, այն արգելակիչ ազդեցությանը, որ կոնկրետ բառանյութը գործում է քերականական ձևավորման վրա։

Սեմանտիկյան գործոնի դիմադրությունը տարբեր ուժգնությամբ է դրսևորվում բայերի դեմքի և անդեմության, եղանակի, կերպի, ժամանակի և սեռի կատեգորիաներում։

Սեմանտիկյան արգելքները և սահմանափակումները, մեր կարծիքով, ունենում են գործողության լայն և նեղ ոլորտները։ Առաջին դեպքում դրանք գործում են բառերի մի ամբողջ դասի ներսում, իսկ երկրորդ դեպքում հանդիսանում են դասի միակ անդամի՝ առանձին վերցրած բառի հատկություններ։

Նորմալ ձևագոյացման ճանապարհին հանդիպող խոչընդոտներն այնքան էլ անմիջական և ակնբախ չեն, որքան թվում է առաջին հայացքից, ուստի և միանգամայն հասկանալի է դրանց նկատմամբ լեզվագիտության մեջ ցուցաբերվող հետաքրքրությունը։